

RU

Систематизация английской псевдоинтернациональной лексики языка юриспруденции при переводе на русский язык

Кюрегян А. Л., Перцевая Е. А., Кузьмина А. П.

Аннотация. Цель исследования – систематизация псевдоинтернациональных английских слов языка юриспруденции, полностью или частично не совпадающих со значением лексических единиц, используемых при переводе на русский язык. В работе рассматриваются полные и частичные псевдоинтернациональные единицы согласно объему передаваемого значения. Научная новизна заключается в том, что в данном исследовании впервые проводится комплексный анализ псевдоинтернационализмов или, другими словами, слов категории «ложные друзья переводчика», имеющих юридическую направленность, при переводе с английского языка на русский по принципам их принадлежности к определенной части речи и полного и частичного несовпадения значений. В результате проведенного анализа установлено, что среди псевдоинтернационализмов выделяются единицы, представленные именем существительным, именем прилагательным, глаголом и наречием. Преобладают в языке права имена существительные. Имя прилагательное, глагол и наречие для юридической тематики менее характерны. Явление конверсии в ряде случаев препятствует правильному определению части речи переводимого слова, в результате чего снижается понимание юридического текста, приводящее к появлению неверных переводов.

EN

Systematization of English legal pseudo-international vocabulary in translation into Russian

A. L. Kuregyan, E. A. Pertsevaya, A. P. Kuzmina

Abstract. The aim of the study is to systematize pseudo-international English words in legal language that fully or partially do not coincide in meaning with the lexical units used in translation into Russian. The paper examines full and partial pseudo-international units according to the scope of the meaning conveyed. The study is novel in that it is the first to conduct a comprehensive analysis of pseudo-internationalisms, or, in other words, words of the “false friends” category, denoting legal notions, in translation from English to Russian according to the principles of their belonging to a specific part of speech and a full and partial non-coincidence of meanings. As a result of the analysis, it was found that among pseudo-internationalisms, there are units represented by nouns, adjectives, verbs, and adverbs. Nouns predominate in the language of law. Adjectives, verbs, and adverbs are less characteristic of legal topics. The phenomenon of conversion in some cases hinders the correct determination of the part of speech of the source word, resulting in a decrease in the understanding of the legal text and leading to incorrect translations.

Введение

В настоящее время английский язык является основным языком межкультурной коммуникации в целом ряде отраслей: медицине, экономике, информационных технологиях, юриспруденции. Основная характеристика официально-делового стиля, используемого при написании документов, регламентирующих основные направления деятельности в данных сферах, заключается в предельной точности, жёсткой нормированности и сжатости информации, а также наличии стандартных формулировок. Известный российский лингвист и литературовед Г. О. Винокур, рассматривая особенности канцелярского языка, которые находят отражение в текстах юридической направленности (договоры, соглашения, контракты, меморандумы, юридические заключения, процессуальные бумаги, предназначенные для представления в суд, или иные документы), характеризует его как некую попытку «овладеть языковой стихией, подчинить себе все эти непослушные частицы, союзы, местоимения, которые никак не укладываются в стройный, плавный период» (2006, с. 103). Перевод текстов юридической направленности не может содержать двусмысленности и недосказанности, он должен быть

стилистически и лексически выверенным. В этой связи правильность передачи интернациональной и псевдоинтернациональной лексики с иностранного языка на язык перевода приобретает особую значимость, поскольку малейшая неточность или ошибка в переводе юридического текста может привести к достаточно серьезным последствиям.

К сожалению, обилие в различных отраслях терминов на английском языке, имеющих эквиваленты, схожие по звучанию и написанию на русском языке, привело к искажению понимания значения термина «интернационализм» как слова, обладающего одинаковым объемом лексического значения в разных языках, заменив его на «псевдоинтернационализм», транслирующий неверное значение лексической единицы в языке перевода. В теории перевода подобные слова называются ложными друзьями переводчика.

Появление большого количества псевдоинтернациональных слов юридической направленности в изучаемых текстах определило актуальность настоящей работы, вызванную необходимостью комплексного изучения псевдоинтернациональных единиц юридической лексики английского языка для последующей правильной интерпретации в переводе.

Материалом исследования в работе послужили лексические единицы, представляющие псевдоинтернациональные слова юридической тематики, содержащиеся в аутентичных пособиях:

- Smith T. Market Leader. Business Law. Business English. Harlow: Pearson Education Limited, 2000;
- Widdowson A. R. Business Law. Market Leader. Business English. Harlow: Pearson Education Limited, 2010.

Задачи, решение которых предлагается в работе, следующие: выявить псевдоинтернациональные слова английского языка, характерные для текстов юридической направленности; классифицировать их на основании принадлежности к определенной части речи; инвентаризировать и описать данные лексические единицы; проанализировать значение неверно переводимых слов.

Методы, используемые в работе, включают в себя метод сплошной выборки, применяемый для выявления псевдоинтернациональных единиц в текстах юридической направленности; метод количественного анализа, позволивший подсчитать общий объем изучаемых слов, используемый совместно с методом категориального анализа, применяемого для распределения лексем по частям речи; метод контекстуального анализа, используемый для определения актуального значения слов категории «ложные друзья переводчика» в конкретной ситуации употребления.

Изучение функционирования псевдоинтернациональных слов в текстах юридической тематики в различных языках отражено в трудах ученых, рассматривающих европейские языки в сопоставлении с русским. В работе Е. Н. Муратовой (2018) отмечены пять вариантов появления псевдомонимичных слов в лексике немецкого языка. Статья В. У. Ногаевой (2014) посвящена вопросам трудностей, возникающих при переводе псевдоинтернационализмов в языковой паре русский-французский язык, и вопросам передачи значения безэквивалентной лексики. Польский язык, как близкий к русскому, порождает большое количество вариантов перевода слов, связанных с фонетической близостью слов, принципиально различающихся в зависимости от применения в сферах судебного производства разных стран, что отражается в работе К. С. Шамтовой (2018). Интересны сравнения вариантов лексем в английском, французском, немецком, итальянском и русском языках, относящихся к праву и банковскому делу, основывающихся на латинской версии слова, приведенной в работе О. Е. Ивановой-Холодной (2015).

Тем не менее множество трудов, описывающих различия значений слов – ложных друзей переводчика, связано все же с английским языком. Отдельные лексем и детали значения при переводе подобных лексем отмечены в работах таких ученых, как Н. А. Петрусенко (2019), Е. В. Щепотина (2019), а также О. В. Занковец и М. Н. Жвырблевская (2019). Следует отметить, что в работах делается акцент на конкретной узуальной сфере употребления подобных единиц, в частности юридических документах, вследствие чего сокращается количество рассматриваемых слов.

Вне зависимости от изучаемых лексем все исследователи приходят к выводу о фиксированности и устойчивости языка юриспруденции и необходимости полного понимания и подробного изучения его особенностей.

Теоретической базой исследования послужили труды К. Г. Готлиба (1972), Я. И. Рецкера (2007), Л. С. Бархударова (1975), В. В. Акуленко (1977), Л. Л. Нелюбина (2003), А. Д. Швейцера (1988), давших определение понятия псевдоинтернациональных единиц, учитывая идентичность звукового или графического оформления и различия в семантическом значении слов при переводе. В работах Р. А. Будагова (1976), А. И. Пахотина (2006), О. А. Агарковой (2009), И. Н. Кузнецовой (1998), М. И. Виолиной (2016) предлагаются классификации категорий «ложных друзей переводчика» по семантическому признаку. Кроме того, учитывались труды В. Н. Комиссарова (2005), в которых подчеркивается особая трудность при переводе псевдоинтернациональной лексики, в том числе в правовом контексте, где сходство фонетической или графической формы слова оказывает психологическое воздействие на переводчика, что влечет за собой проблему поиска нужной лексической единицы.

Основываясь на терминологии В. С. Слеповича (2001), в данном исследовании авторы принимают равнозначность понятий «псевдоинтернациональное слово» и «ложный друг переводчика», неправильный перевод которых приводит к полному нарушению смысла. Используя классификацию псевдоинтернациональной лексики Т. И. Гуськовой и Г. М. Зиборовой (2000), исследуемые лексические единицы условно разделяют на две группы – полные и частичные псевдоинтернационализмы – согласно передаваемому значению.

Несомненна практическая значимость работы: полученные результаты могут применяться в процессе разработки лекционных и практических курсов по английскому языку различных уровней для экономических специальностей и в сфере юриспруденции, а также по теории и практике перевода.

Обсуждение и результаты

В настоящей статье приводится классификация по частям речи псевдоинтернациональных английских слов, используемых в юридической/правовой сфере при переводе на русский язык. Данный пласт лексики, с одной стороны, характеризуется понятным значением слов (особенно при предшествующем изучении латинского языка), но, с другой стороны, приводит к неверному переводу употребляемой единицы при неправильном понимании контекста.

Вне зависимости от изучаемых лексем юридическая лексика характеризуется фиксированностью значений и устойчивостью употребления конкретных слов и словосочетаний, обуславливающих необходимость внимательного изучения и понимания особенностей правоприменения для наиболее точного подбора значения лексической единицы. Подобная однозначность трактовки значения данного рода лексики повлекла за собой формирование понятия «юридический штамп» (Борисова, 2006), означающего устойчивое слово или словосочетание, характерное для письменной речи, которое воспроизводится целиком при переводе словосочетания, обозначающего понятие правового порядка в устной речи, при этом части штампа не являются независимыми и свободными.

При работе со словами юридического пласта лексики языковые штампы подобного рода являются чрезвычайно распространенными, что связано с фиксированностью терминов и лексем, а также стандартностью терминологии, используемой в правовых документах.

Тем не менее в некоторых случаях объем дефиниций схожих внешне слов в английском и русском языках существенно различается. В юридических текстах псевдоинтернациональную лексику можно условно разделить на две группы согласно значению перевода, употребляемому в тексте на русском языке.

К первой группе относятся слова и словосочетания, имеющие схожие с русским языком фонетическую и графическую формы, но абсолютно разные по значению, то есть являющиеся полными псевдоинтернационализмами. Примерами могут быть единицы *tort* («деликт, правонарушение») в составе словосочетаний типа *Law of Contracts and Torts* («Закон о договорах и гражданских правонарушениях») или *bar* («коллегия») в *Commercial Bar Association* («Ассоциация коммерческих юристов»), *forum* («суд») в *forum shopping* («подбор оптимальной судебной инстанции»).

Ко второй группе относятся слова, которые по сути своей являются неполными или частичными псевдоинтернационализмами, поскольку в одном из значений при переводе они соответствуют схожему слову в русском языке. В данном случае можно говорить о многозначном слове, одно из значений которого вошло в лексическую базу языка перевода. Примерами могут послужить слова *illustration* («свидетельство», а не «иллюстрация»), *dispute* («спор», а не только «диспут»), *penalty* («наказание», а не только «пенальти» в спорте). Подобная лексика превалирует при переводе именно вследствие невозможности правильно интерпретировать контекстное значение единицы на русском языке.

Следует отметить, что при определении псевдоинтернациональных слов единицы второй группы представляли преимущественное большинство неверных трактовок переводов на занятиях по английскому языку со студентами Самарского государственного экономического университета, Самарского государственного технического университета и Самарского государственного университета путей сообщения. Юридический пласт лексики не является интуитивно понятным и знакомым для студентов первых и вторых курсов всех университетов, поэтому можно сделать вывод о единообразии восприятия и перевода материала.

В общем объеме изучаемого материала отмечено 462 псевдоинтернационализма-псевдоомонима.

Среди псевдоинтернационализмов представлены единицы таких частей речи, как имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие.

Преимущественное большинство лексем является именем существительным, а именно 352 единицы. Все остальные части речи, как можно заключить из процентного соотношения, в юридической лексике, представляющей псевдоинтернациональные слова, употребляются крайне редко: на долю имени прилагательного приходится 70 единиц, глагол представлен 38 единицами, а наречие встречалось всего 2 раза. Данные о соотношении единиц по частям речи представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Псевдоинтернациональные единицы в сфере юриспруденции по частям речи

Часть речи	Количество	Процентное соотношение
Имя существительное	352	76,2%
Имя прилагательное	70	15,1%
Глагол	38	8,2%
Наречие	2	0,4%
Всего	462	100%

Из полученных данных видно, что имя существительное вызывает наибольшие затруднения при переводе текстов юридической тематики. Это объясняется следующими факторами. Во-первых, неправильным пониманием значения при сохранении аналогичной части речи в переводном слове. В качестве примера можно привести распространенные единицы *advocate* («защитник» или «сторонник», а не только «адвокат»), *intervention* («участие», «вмешательство», а не «интервенция»), *instrument* («средство», а не «инструмент»). Так, корректный

перевод предложения “Or there can be a testamentary trust, where the settlor dies and his or her will is the trust instrument – the trust deed – which specifies how the trustees should deal with the trust fund on behalf of the beneficiaries” (Widdowson, 2010, p. 74) будет следующим: «Также может существовать наследственный траст, при котором в случае смерти учредителя, его или ее воля является трастовым средством правоприменения – доверенностью, – в котором указывается, как доверительный управляющий должен обращаться с трастовым фондом от имени бенефициаров» (здесь и далее – перевод авторов статьи. – А. К., Е. П., А. К.).

В целом количество существительных подобного рода подтверждает важность понимания контекстного значения единиц, связанную с необходимостью не только запоминать словарные значения конкретных слов, но и изучать литературу, описывающую процессы юридической практики, поскольку в большинстве случаев неверное употребление термина связано именно с незнанием правильного значения единицы в русском языке.

Другой причиной неверного перевода имени существительного является замена части речи, т. е. когда, например, имя существительное неверно определяется как имя прилагательное. Часто эта проблема связана с суффиксом -al, который в ряде случаев автоматически причисляется к суффиксам, присущим прилагательным, но, вследствие конверсии в английском языке, именно в юридической лексике неверно воспринимается как суффикс, присущий имени существительному. Здесь можно привести примеры official («чиновник», «государственный орган», а не «официальный»), criminal («преступник», а не «криминальный»), individual («отдельное лицо», а не «индивидуальный»). Например, предложение “As a result, the right of individuals to sue the State for negligent acts committed by the State, a right expressly conveyed by the General Assembly, is nullified without the support of any precedential authority permitting such an indulgence” (Smith, 2000, p. 65) правильно будет перевести следующим образом: «В результате право отдельных лиц подавать в суд на государство за допущенные им халатные действия, право, однозначно озвученное Генеральной Ассамблеей, аннулируется без поддержки какого-либо прецедентного органа, допускающего такую привилегию».

Кроме того, имя существительное в ряде случаев неверно переводится как глагол вследствие аналогичной формы слова. В юридических текстах встречаются такие псевдоинтернациональные слова, как damage («возмещение убытков», а не «вредить»), report («отчет», а не «докладывать»), code («кодекс», а не «кодировать») и т. д. Поэтому правильный перевод предложения “As corporate liability expands to include issues from breaches of labour practice codes in developing countries to health concerns over weight problems in the West, senior lawyers are regular participants in meetings to discuss them” (Widdowson, 2010, p. 9) будет следующим: «Поскольку понятие корпоративной ответственности расширяется и включает в себя такие вопросы, как нарушения трудового кодекса в развивающихся странах и проблемы со здоровьем, связанные с избыточным весом на Западе, ведущие юристы регулярно участвуют в собраниях, где обсуждают эти проблемы».

Имя прилагательное часто неверно определяется даже при сохранении правильной части речи при переводе на русский язык. К примерам можно отнести единицы valid («действительный», а не «валидный» закон в сочетаниях, аналогичных valid law), private («частный», а не «приватный» в составе private prosecutor «частный обвинитель»), а также многочисленные варианты со словом legal (в основном в значении «юридический», а не «легальный» в русском понимании «имеющий основания на действие»). Например, legal precedent («юридический прецедент»), legal action («судебный иск»), legal system («правовая система»): “A jurisdiction benefits from forum shopping if its decisions are out of line with mainstream opinion, and the most common reason is that there is something wrong with its legal system” (Widdowson, 2010, p. 17). / «Правосудие получает выгоду от выбора оптимальной судебной инстанции, если его решения расходятся с общепринятым мнением, и наиболее распространенной причиной является наличие нарушений в правовой системе».

В настоящий момент при переводе псевдоинтернационализмов-прилагательных наблюдается тенденция использовать транслитерацию или транскрибирование для придания тексту мнимой аутентичности, что сохраняет оригинальное звучание лексической единицы, но имеет другое значение.

Глагол по количеству выявленных псевдоинтернационализмов находится на предпоследнем месте среди частей речи, характерных для языка права. Количество глаголов-псевдоинтернационализмов почти в десять раз меньше аналогичных вариантов имени существительного, которое употребляется в переводе с искаженным значением. Глаголы, как и имена существительные, имеют два неверных варианта перевода. Первый – с сохранением при переводе первоначальной части речи. Например, to confide («признаваться», а не «говорить конфиденциально»), to instruct («знакомить с обстоятельствами дела», а не «инструктировать»), to subject («подвергать действию», а не «субъективировать»).

Второй вариант – это замена части речи, когда глагол неправильно переводится как имя существительное. Например, глагол to petition («ходатайствовать») неверно заменяется на «петиция», to rule («устанавливать правовые нормы») получает ошибочный перевод «руль», а to file («приобщать к делу», «подавать документ») – «файл».

Варианты первого и второго типа появляются в переводе предложения “If adopted, this standard would subject employers to punitive damages every time an employee engages in intentional discrimination against another”, the US Chamber of Commerce argues in brief filed to support the ADA (Smith, 2000, p. 9). / «В случае принятия этого стандарта работодатели будут подвергаться штрафным санкциям каждый раз, когда один сотрудник участвует в преднамеренной дискриминации в отношении другого, – утверждает Торговая палата США в документе, подготовленном адвокатом для предоставления суду, поданном в поддержку ААС».

Наречия, отмеченные нами в качестве псевдоомонимичных единиц, представлены только двумя словами – collectively («собираательно») и virtually («фактически»), которые часто неверно переводятся по аналогии с однокоренными прилагательными collective («совокупный») и virtual («фактический») как «коллективный»

и «виртуальный», при этом не имеет значения расположение слова в предложении с точки зрения синтаксического строения. Согласно полученным данным можно сделать вывод о том, что наречия в принципе не являются частью речи, часто употребляемой в сфере юриспруденции. Приведем еще один пример: “The ruling virtually exhausted the legal options for the Mirrar Aboriginal people in their 20-year-old campaign to block uranium mining on their traditional land at Jabiluka, which contains one of the world’s largest undeveloped uranium deposits” (Smith, 2000, p. 25). / «Постановление фактически исчерпало юридические возможности аборигенов клана Миррар в их 20-летней кампании по блокированию добычи урана на традиционной территории их проживания в Джабилуке, где находится одно из крупнейших в мире неразработанных урановых месторождений».

Необходимо отметить, что при переводе псевдоинтернационализмов в текстах юридической направленности в настоящее время отмечается обратная зависимость – знание о том, что в английском языке существуют слова, перевод которых отличается от созвучных русских слов, приводит к усложнению перевода простых слов. Например, стандартный *interest* («интерес») переводится как «процент», *public* («публика») – как «публичный», а *complex* («комплекс») получает значение «сложный». На помощь переводчику приходит контекст употребления единицы, однако это не отменяет необходимости анализировать полученный текст, руководствуясь здравым смыслом.

Следует отметить возрастающее количество некорректных переводов псевдоинтернациональной лексики, которое появляется не только вследствие неправильного понимания значения английской, но и русской лексической единицы. На помощь в подобных случаях приходят толковые словари русского языка, однако их использование при выполнении студенческих работ остается крайне редким.

В целом для перевода текстов юридической направленности необходимо пользоваться дополнительными материалами: актами, кодексами или сборниками статей закона.

Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Методом сплошной выборки было выявлено 462 псевдоинтернациональные единицы, характерные для языка юридических текстов в целом, без учета типа переводимого документа или определенного свода законов.

В процессе систематизации данных лексем были выделены четыре грамматические группы согласно представленным частям речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие. Подобная систематизация псевдоинтернационализмов необходима для того, чтобы студенты различали части речи при одинаковой форме слов и правильно их переводили.

Дальнейшая систематизация позволила установить, что максимальное количество, а именно три четверти, отмеченных лексических единиц – псевдоинтернациональных слов представлено именами существительными. Интересно, что часть имен существительных была переведена неверно вследствие неправильного определения части речи, будучи замещаемы именем прилагательным или глаголом. Преобладание имени существительного в общей массе псевдоинтернационализмов связано, по-видимому, с наличием большого количества устанавливаемых и определяемых понятий в сфере документов нормативно-правовой сферы. Имя прилагательное является менее употребляемым в юридических текстах, чем имя существительное, однако вследствие явления конверсии нередко ошибочно происходит замена части речи переводимого слова. Глагол находится на третьем месте по распространенности среди псевдоинтернационализмов, что логично следует из терминологической направленности формирования базы лексических единиц юридической тематики. Наименьшим количеством единиц представлено наречие, что связано с предельной точностью и лаконичностью языка права.

Преимущественное большинство изученных единиц – неполные псевдоинтернационализмы – слова, имеющие графическое соответствие русской единице или одно из значений, аналогичных созвучному слову в русском языке.

Перспективами дальнейшего исследования являются изучение псевдоинтернационализмов в текстах специализированных жанров языка права, выявление особенностей функционирования подобных лексических единиц, а также изучение их наиболее продуктивных моделей, включая терминологические словосочетания с использованием псевдоинтернациональных слов.

Источники | References

1. Агаркова О. А. Французский язык и «ложные друзья переводчика» // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2-1 (21).
2. Акуленко В. В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира / под ред. И. К. Белододе, Ю. Д. Дешериева. М.: Наука, 1977.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
4. Борисова Л. А. Перевод в сфере юриспруденции. Воронеж: ВГУ, 2006.
5. Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
6. Винокур Г. О. Культура языка. М.: Лабиринт, 2006.
7. Виолина М. И. К вопросу об определении и систематизации «ложных» друзей переводчика // Наука и образование сегодня. 2016. № 6 (7).

8. Готлиб К. Г. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1972.
9. Гуськова Т. И., Зиборова Г. М. Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский: учеб. пособие. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2000.
10. Занковец О. В., Жвырблевская М. Н. Псевдоинтернациональная лексика в правовых документах: функционирование и перевод // Особенности функционирования правовой терминологии в юридических документах. Мн.: БГУ, 2019.
11. Иванова-Холодная О. Е. Интернациональные слова в юридическом английском языке // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 11.
12. Комиссаров В. Н. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания // Мосты. 2005. № 2.
13. Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции: на материале французского языка. М.: МГУ, 1998.
14. Муратова Е. Н. «Ложные друзья переводчика» в языке немецкой юриспруденции как переводческая трудность // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. Стерлитамак: АМИ, 2018.
15. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003.
16. Ногаева В. У. К вопросу о трудностях передачи значения юридической терминологии при переводе с французского языка на русский и с русского языка на французский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2014. № 4.
17. Пахотин А. И. Большой англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. М.: А. К. Карева, 2006.
18. Петрусенко Н. А. Функционирование псевдоинтернациональной лексики в юридических документах // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф. (г. Минск, 13-24 мая 2019 г.): в 3-х ч. / пред. редкол.: В. Г. Сафонов. Мн.: БГУ, 2019. Ч. 3.
19. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Валент, 2007.
20. Слепович В. С. Курс перевода (английский-русский язык). Translation Course. Мн.: ТетраСистемс, 2001.
21. Шамтова К. С. Юридические термины и их семантика как препятствие в судебной коммуникации между российскими и польскими юристами // II международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход»: материалы конф. (г. Симферополь, 26-28 апреля 2018 г.) / гл. ред.: М. В. Норец. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2018.
22. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
23. Щепотина Е. В. Обучение юридическому переводу в условиях коллективного взаимодействия // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сборник научных статей региональной научно-методической конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета и кафедры ин. языков. Курск, 2019.

Информация об авторах | Author information

Кюрегян Амалия Левиковна¹, к. филол. н., доц.

Перцевая Екатерина Александровна², к. филол. н., доц.

Кузьмина Александра Петровна³, к. пед. н.

¹ Самарский государственный технический университет

² Самарский государственный экономический университет

³ Самарский государственный университет путей сообщения

Amalia Levikovna Kuregyan¹, PhD

Ekaterina Aleksandrovna Pertsevaya², PhD

Aleksandra Petrovna Kuzmina³, PhD

¹ Samara State Technical University

² Samara State University of Economics

³ Samara State Transport University

¹ amleku@mail.ru, ² kmilyutina@mail.ru, ³ fadeevaaleksa@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.05.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): ложные друзья переводчика; конверсия; полные и частичные псевдоинтернационализмы; псевдоинтернациональные имена существительные в юридической/(нормативно)-правовой сфере; псевдомонимия; false friends; conversion; full and partial pseudo-internationalisms; pseudo-international nouns in the legal and regulatory sphere; pseudo-homonymy.